

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.01

Дата поступления: 20.09.2021
рецензирования: 27.10.2021
принятия: 28.11.2021

**Легализация уголовно-правовых запретов как вектор
современной уголовно-правовой политики**

Н. Т. Идрисов

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nail070@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ направлений современной уголовно-правовой политики с позиции теории уголовно-правовых запретов. Автор статьи рассматривает криминализацию как процесс и результат формирования уголовно-правового запрета в уголовном законе. На примере ст. 200⁷ УК РФ исследуется применение критериев криминализации в законотворческом процессе. Особое внимание уделено вопросу о концепции уголовного закона, ее связи с процессом легализации уголовно-правовых запретов. Обосновано положение, что рост числа уголовно-правовых запретов не имеет положительных социально значимых последствий. Автор статьи приходит к выводу, что использование ресурса уголовного закона должно соотноситься с современной картиной социального мира, а также соответствовать базовым человеческим ценностям, основной из которых является справедливость. В противном случае задачи, возлагаемые на уголовный закон, решены не будут.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; уголовный закон; концепция уголовного закона; уголовно-правовая политика; кодификация; криминализация; основания криминализации; запрещающая уголовно-правовая норма.

Цитирование. Идрисов Н. Т. Легализация уголовно-правовых запретов как вектор современной уголовно-правовой политики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-34-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Идрисов Н. Т., 2021

Наиль Талгатович Идрисов – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я Линия Васильевского острова, 19а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.09.2021
Revised: 27.10.2021
Accepted: 28.11.2021

**Legalization of criminal law prohibitions as a vector
of modern criminal law policy**

N. T. Idrisov

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: nail070@mail.ru

Abstract: The article presents an analysis of the directions of modern criminal law policy from the standpoint of the theory of criminal law prohibitions. The author of the article considers criminalization as a process and result of the formation of a criminal law prohibition in the criminal law. Using the example of Article 200⁷ of the Criminal Code of Russian Federation, the application of criminalization criteria in the legislative process is investigated. Special attention is paid to the issue of the concept of criminal law, its connection with the process of legalization of criminal law prohibitions. The position is substantiated that the increase in the number of criminal law prohibitions does not have positive socially significant consequences. The author of the article comes to the conclusion that the use of the criminal law resource should correspond to the modern picture of the social world, as well as correspond to basic human values, the main of which is justice. Otherwise, the tasks assigned to the criminal law will not be solved.

Key words: criminal law prohibition; criminal law; concept of criminal law; criminal law policy; codification; criminalization; grounds for criminalization; prohibiting criminal law norm.

Citation. Idrisov N. T. *Legalizatsiya ugovolno-pravovykh zapretov kak vektor sovremennoi ugovolno-pravovoi politiki* [Legalization of criminal law prohibitions as a vector of modern criminal law policy]. *Juridicheskiy vestnik Samarского университета* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 4, pp. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-34-38> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Идрисов Н. Т., 2021

Nail T. Idrisov – Candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Faculty of Law, Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 19a, Vasilievsky Island, 10 Line, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

На современном этапе развития российской государственности роль уголовно-правовых запретов как инструмента социального управления усиливается. Об этом свидетельствует лавинообразный процесс реформирования уголовного закона. Отметим, что в 2021 году Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) исполнилось 25 лет, и неизменными в нем остались только 13,9 % статей. Всего, по состоянию на 8 октября 2021 года, в УК РФ внесены изменения и дополнения 273 федеральными законами.

Так, в 2020 году законодатель внес изменения в УК РФ путем принятия 14 федеральных законов. К слову, 4 федеральных закона приняты в один день – 30 декабря 2020 года. Законодатель возвращался к уголовному закону в 2020 году практически ежемесячно. Подавляющее большинство уголовных законов, принятых в 2020 году, являлись криминализирующими и пенализирующими законами, то есть увеличивали ряд запрещенных деяний и повышали уровень уголовной репрессии. В УК РФ за указанный год появилось 7 новых составов преступлений.

Можно заключить, что криминализация относится к доминирующим направлениям в современном уголовно-правовом законодательстве.

Традиционно криминализация рассматривается и как направление уголовно-правовой политики. Следует ли из вышесказанного вывод, что процесс криминализации является преобладающим в уголовно-правовой политике? Связано ли данное направление с концепцией уголовного закона? К каким социально-правовым результатам приводит рост числа уголовно-правовых запретов?

В рамках настоящей статьи мы попытаемся ответить на поставленные вопросы.

1. Является ли на сегодняшний день процесс криминализации вектором развития российской уголовно-правовой политики?

Классическим в отечественной доктрине уголовного права признается определение криминализации, данное В. Н. Кудрявцевым, – как процесса и результата признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми [1, с. 17–18].

Известны и другие подходы к пониманию криминализации. Например, А. П. Кузнецов рассматривает криминализацию как один из юридико-технических приемов, используемых законодателем в законотворческой деятельности [2, с. 16].

Однако процесс криминализации предполагает не только реализацию юридико-технических приемов и средств законодателем. Представляется, что криминализация является механизмом легализации уголовно-правового запрета.

На наш взгляд, процесс криминализации с точки зрения легализации уголовно-правового запрета проходит следующие этапы: определение политической, социальной и правовой необходимости уголовно-правового регулирования конкретного вида общественного отношения; формирование уголовно-правового запрета как государственно-

властного веления; формирование запрещающей уголовно-правовой нормы (при этом уголовно-правовой запрет выступает содержанием, ядром данной нормы); фиксация запрещающей нормы в тексте уголовного закона.

Таким образом, криминализация нами рассматривается как процесс и результат формирования уголовно-правового запрета в уголовном законе. По нашему мнению, сначала формируется запрет, а уже затем в соответствии с границами запрета определяются деяния, которые после легализации запрета в законе становятся преступными и наказуемыми.

Н. А. Лопашенко обоснованно называет причинами криминализации возникновение новых видов общественно опасной деятельности людей; неблагоприятную динамику определенных видов опасных для общества человеческого поведения; необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности; ошибки проведения декриминализации деяний и др. [3, с. 50].

На наш взгляд, не все легализуемые в уголовном законе запреты вводятся при наличии достаточных причин для криминализации. Например, Федеральным законом № 352-ФЗ от 27 октября 2020 года [4] УК РФ дополнен статьей 200⁷, которой установлена ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). Статья состоит из 8 (!) частей и двух примечаний, предусматривает основания и пределы уголовной ответственности за незаконную передачу арбитра материальных ценностей и получение третейским судьей таковых.

Руководствуясь алгоритмом криминализации, определенным Н. А. Лопашенко, предлагаю на примере ст. 200⁷ УК РФ оценить, как применяются научно обоснованные критерии криминализации в законотворческом процессе.

А. Возникновение новых видов общественно опасной деятельности людей

Институт арбитража (третейского разбирательства) введен в правовую реальность Федеральным законом № 382-ФЗ от 29 декабря 2015 года «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон).

Правовая сущность данного института состоит в договорной подсудности споров, возникающих между юридическими лицами, которые по соглашению определяют физическое лицо (арбитра), рассматривающее правовые конфликты между участниками гражданско-правовых отношений. Иными словами, речь идет о дискретном праве предпринимателей определить физическое лицо, пользующееся заслуженным авторитетом у сторон, в качестве судьи при рассмотрении гражданско-правовых споров.

Согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию» легализация

данного уголовно-правового запрета объясняется тем, что к 2020 году (через пять лет после введения этой системы альтернативного судопроизводства) возник «риск коррупционных правонарушений арбитров (третейских судей) в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц вопреки задачам своей деятельности» [6].

Таким образом, законодатель считает возможным основанием легализации нового уголовно-правового запрета даже риск совершения общественно опасных поведенческих актов. Обстоятельств, подтверждающих возникновение нового вида общественно опасного поведения людей, при обосновании закона не приводится.

Следует также отметить, что в цитируемой Пояснительной записке не приводится в качестве довода даже единичного случая подобных правонарушений и нет ссылки на криминологический прогноз соответствующих противоправных деяний.

Отметим еще раз, что арбитр (третейский судья) определяется сторонами гражданско-правового спора совместно и добровольно, что, безусловно, не исключает возможность его подкупа, но, в отличие от профессионального судьи, данная креатура полностью зависит от сторон спора.

Б. Неблагополучная динамика определенных видов опасного для общества поведения человека

Говорить о динамике возможных случаев подкупа третейских судей не приходится, поскольку нет доступных для анализа официальных данных о реальных событиях получения или передачи средств подкупа арбитра (третейского судьи). Неслучайно законодателем при легализации уголовно-правового запрета фактическая информация не приводилась.

В. Необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности

Представляется, что легализация данного уголовно-правового запрета не влияет на уровень и качество охраны конституционных прав и свобод граждан. При этом следует отметить, что законодателем при определении объекта уголовно-правовой охраны допущены ошибки. Статья 200⁷ УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за подкуп арбитра, помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Однако подкуп арбитра посягает не на экономическую деятельность как таковую. Данный вывод подтверждает сам же законодатель. В пункте 1 статьи 2 Федерального закона указано, что деятельность арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства) не является предпринимательской.

На самом деле причины криминализации данного деяния определяются исключительно международными обязательствами Российской Федерации, поскольку законопроект подготовлен «в целях реализации рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по итогам третьего раунда по теме «Криминализация преступных деяний», о чем указал в своем отзыве на соответствующий законопроект Верховный Суд Российской Федерации [7].

Задача выполнения международных обязательств Российской Федерации в этой части могла быть решена иным юридико-техническим приемом, а именно отнесением арбитра (третейского судьи), как субъекта процесса разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), к должностным лицам.

Анализ норм Федерального закона позволяет заключить, что арбитр (третейский судья) является субъектом, который по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти и организационно-распорядительные функции. Государство предоставило право хозяйствующим субъектам самостоятельно выбирать судей в гражданско-правовых спорах, и само же в Федеральном законе определило их специальные полномочия.

Решения арбитров (третейских судей) являются обязательными для хозяйствующих субъектов и влекут соответствующие правовые последствия, по сути, третейские суды являются системой альтернативных дискретных судов. При этом получение незаконного вознаграждения или дача незаконного вознаграждения такому лицу в процессе осуществления данной деятельности дискредитируют государство и государственную власть, поскольку государство передало часть именно государственных полномочий по рассмотрению гражданско-правовых споров данным лицам на основании специального полномочия.

Тот факт, что арбитры (третейские судьи) не входят в систему органов государственной власти, не исключает возможности признания данных лиц должностными. Более того, законодатель ранее уже признал таковыми субъектов, обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, например, в публично-правовых компаниях, государственных корпорациях, хозяйственных обществах с государственным капиталом, которые в систему органов государственной власти не входят.

Г. Ошибки проведения декриминализации деяния

Обсуждаемый уголовно-правовой запрет введен в уголовный закон впервые и ранее не подвергался декриминализации.

Таким образом, анализ условий введения ст. 200⁷ в УК РФ позволяет заключить, что задача по выполнению международного обязательства могла быть решена не путем легализации необоснованного, с позиции науки уголовного права, уголовно-правового запрета, а иным юридико-техническим приемом, не вызывающим избыточность уголовного закона и не нарушающим его системность.

2. Связан ли реальный процесс криминализации с концепцией уголовного закона?

Концепцией принято признавать комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих единую систему; определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений; основную точку зрения, руководящую идею для их освещения [8]. В Толковом словаре русского языка

С. И. Ожегова концепция определяется как система взглядов на что-нибудь, основная мысль [9, с. 448].

Под концепцией уголовного закона мы понимаем систему фундаментальных положений, определяющих смысловое, правовое, социальное и политическое его содержание, а также направления развития уголовного закона.

На наш взгляд, концепцию УК РФ при его принятии в 1996 году определяла совокупность принципов, указанных в 1 главе «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации». Следует согласиться с мнением Т. В. Кленовой, что в настоящее время концепция уголовного закона корректируется законодателем независимо от закрепленных в настоящем Кодексе принципов – путем изменения и дополнения не только норм Общей части УК РФ, но и запрещающих норм, расположенных в Особенной части УК РФ. При этом Т. В. Кленова под концепцией уголовного закона предлагает понимать систему основополагающих идей и правил, определяющих состав и содержание как кодифицированного уголовного закона, так и законов, его изменяющих и дополняющих, а также включает в концепцию уголовного закона моделирование последствий предполагаемых изменений [10, с. 7].

Представляется, при отсутствии фундаментальных и непоколебимых границ уголовного правотворчества уголовный закон лишается единого, системного, смыслового, правового, идеологического и политического содержания.

Е. Н. Салыгин верно заключает: «Узость круга лиц, обсуждающих уголовно-правовые инициативы, поспешность, с которой они принимаются, в итоге нивелируют или, можно сказать, нейтрализуют фактор уголовной политики, требующей по определению всесторонне изученных, научно обоснованных рекомендаций. Поэтому можно сказать, что изменения Уголовного кодекса продиктованы узкогрупповыми политическими интересами правящей коалиции, в которых находят свое преломление экономические, социальные и иные факторы общественной жизни» [11, с. 11].

Библиографический список

1. Основание уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. Москва: Наука, 1982. 304 с.
2. Кузнецов А. П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28915329>.
3. Российское уголовное право. Общая и особенная части: учеб.: в 3 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. Т. 1. Общая часть. Москва: Юрлитинформ, 2014. 719 с.
4. Гос. дума. 931211-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7>.
5. СПС «КонсультантПлюс», документ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301.
6. Гос. дума. 931211-7#bh_note. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7#bh_note.
7. Гос. дума. 931211-7#bh_histras. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7#bh_histras.
8. Концепция. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Концепция>.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2014. 1376 с.
10. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 36 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/osnovy-teorii-kodifikatsii-ugolovno-pravovykh-norm/read>.

3. Приводит ли рост числа уголовно-правовых запретов к положительным социально значимым последствиям?

Рассмотрим данный вопрос с использованием в качестве примера уголовно-правовых запретов криминальных деяний, совершаемых в сети Интернет.

В уголовном законе на сегодняшний день насчитывается 16 составов преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Количество таких составов стремительно растет, начиная с 2017 года. Предлагаю соотнести динамику изменения числа составов преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, с количеством зарегистрированных преступлений с указанными составами. Если в 2017 году (согласно докладу Главного аналитического центра МВД РФ о состоянии преступности за 2017 год) [12] совершено 90 587 указанных преступлений, в 2018 году – 174 674 [13], в 2019 году – 294 409 [14], то в 2020 году зарегистрировано 510 396 таких преступлений [15]. Особо следует отметить, что в 2020 году прирост соответствующих преступлений в Санкт-Петербурге составил 780,6 % [15].

Иными словами, количество уголовно-правовых запретов, регулирующих социальные процессы, в Интернете растет, но нет эффекта результативного социального управления. Количество зарегистрированных преступлений, совершаемых таким способом, только возрастает. То есть увеличение числа уголовно-правовых запретов в сети Интернет не достигает главной задачи – формирования законопослушного поведения.

Подводя некоторый итог данным рассуждениям, отметим, уголовный закон как фундаментальный регулятор социальных процессов имеет мощный правовой, силовой и организационный ресурс, использование которого должно, безусловно, соотноситься с современной картиной социального мира, а главное, соответствовать базовым человеческим ценностям, основной из которых является справедливость. В противном случае задачи, возлагаемые на уголовный закон, решены не будут.

11. Салыгин Е. Н. Социальные основания изменений уголовного закона // Социология уголовного права: Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: Социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: сборник статей (материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21 сентября 2012 г.). Т. 1 / под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. Москва: Юриспруденция, 2013. С. 8–15. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/114607846>.
12. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987>.
13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092>.
14. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450>.
15. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.

Reference

1. *Osnovanie ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Basis of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka, 1982, 304 p. [in Russian].
2. Kuznetsov A. P. *Kriminalizatsiya – dekriminalizatsiya, penalizatsiya – depenalizatsiya kak sodержanie ugolovnoi politiki* [Criminalization – decriminalization, penalization – depenalization as a content of criminal policy]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 2017, no. 1 (35), pp. 16–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28915329> [in Russian].
3. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya i osobennaya chast'. ucheb: v 3 t. Pod red. N. A. Lopashenko. T. 1. Obshchaya chast'* [Lopashenko N. A. (Ed.) Russian criminal law. General and special parts: textbook: in 3 vols. Vol. 1. General part]. Moscow: Yurлитinform, 2014, 719 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22495380> [in Russian].
4. *Gos. дума* [Sozd. дума]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> [in Russian].
5. Consultant.ru, doc. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ [in Russian].
6. *Gos. дума* [Sozd. дума]. 931211-7#bh_note Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7#bh_note [in Russian].
7. *Gos. дума* [Sozd. дума]. 931211-7#bh_histras. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7#bh_histras [in Russian].
8. *Contseptsiya* [Concept]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Concept> [in Russian]
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. S. I. Ozhegov; pod red. prof. L. I. Skvortsova. 28-e izd., pererab. [Explanatory dictionary of the Russian language; professor L. I. Skvortsov (Ed.). 28 edition, revised]. Moscow: Mir i obrazovanie, 2014, 1376 p. [in Russian].
10. Klenova T. V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugolovno-pravovykh norm: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2001, 36 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/osnovy-teorii-kodifikatsii-ugolovno-pravovykh-norm/read> [in Russian].
11. Salygin E. N. *Sotsial'nye osnovaniya izmenenii ugolovnogo zakona* [Social grounds for changes in the criminal law]. In: *Sotsiologiya ugolovnogo prava: Obshchie voprosy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnogo zakona: Sotsiologo-pravovye aspekty Osobennoi chasti Ugolovnogo kodeksa: sbornik statei (materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsiologiya ugolovnogo prava: problemy i tendentsii razvitiya», sostoyavsheysya 21 sentyabrya 2012 g.). T. 1. Pod obshch. red. E. N. Salygina, S. A. Markuntsova, E. L. Radnaevoi* [Salygina E. N., Markuntsova S. A., Radnaeva E. L. (Eds.) Sociology of criminal law: Common issues of sociology of criminal law and criminal law: social and legal aspects of the Special part of the Criminal Code: collection of articles (materials of I International research and practical conference «Sociology of criminal law: problems and trends of development», held on September 21, 2012). Vol. 1]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2013, pp. 8–15. Available at: <https://publications.hse.ru/chapters/114607846> [in Russian].
12. *Sostoyaniye prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar'-dekabr' 2017 goda* [The state of crime in the Russian Federation for January-December 2017]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> [in Russian].
13. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar'-dekabr' 2018 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2018]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/16053092> [in Russian].
14. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar'-dekabr' 2019 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2019]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/19412450> [in Russian].
15. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar'-dekabr' 2020 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2020]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> [in Russian].